

Независимая газ. — 1993. — 8 апр. — с. 7.

ПРОВОЗВЕСТНИК

«СУРОВОГО СТИЛЯ»

К юбилею Павла Корина

Елена Григорьева

Дата

СТОЛЕТИЮ со дня рождения Павла Дмитриевича Корина посвящена выставка в новой Третьяковке на Крымском валу.

Уроженец Палеха, происшедший из семьи потомственных иконописцев, Корин с детства рос в атмосфере религиозности, строгого соблюдения народных обычаев. Крестьянская по своему образу жизни (держали скотину, работали в поле, на огороде) семья Кориных не отставала и от культуры. Отец его выписывал сочинения Тургенева, Гейне, журналы «Нива», «Живописное обозрение» и приложения, в которых помещались репродукции и литографии известных картин. Закончив иконописную школу в Палехе, Корин не удовлетворяется традиционной профессией семьи — иконописью, которая к этому времени находилась в глубоком упадке и предполагала не творческую работу, а ремесленную, по отработанным шаблонам и образцам. Большое влияние на его формирование оказала учеба в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где его педагогами были К. Коровин и С. Малютин. Но наиболее сильное и непосредственное воздействие на саму основу коринской живописи, ее стиливое своеобразие, строгость, сдержанность колорита, живописную технику имели общение и дружба с М. Нестеровым. При этом характер, настроение и смысл живописи этих мастеров имеют больше различных черт, чем общих. Отличия эти особенно видны в религиозной живописи.

Корин так и не написал свою «Русь уходящую», хотя работал над ней более тридцати лет. Весной 1925 г. умер патриарх Никон. Сотни людей — схимников, монахов, нищих, священников — проходили перед взором художника, который в эти дни не отлучался из монастыря, делая натурные зарисовки. Можно представить себе, как больно было Павлу Корину, глубоко верующему человеку, переживать разгром Русской Православной Церкви после революции. Он рано начал собирать древнерусские иконы. По-видимому, сначала и не было мысли о коллекции: нужно было спасти, сохранить, уберечь то, что было обречено на уничтожение. Но постепенно сложилось замечательное собрание, которое незадолго до смерти Корин передал Третьяковской галерее.

В этюдах к «Руси» перед зрителем возникает целая галерея образов минувшей эпохи. В них нет покоя, умиротворенности и «благогости», как в религиозной живописи Нестерова. У Корина на лицах священников и монахов — печать обреченности, проклятия всему, что меняет законы старины; они готовы умереть, но не отступить ни на шаг от веры. Это трагическое предчувствие конца присутствует и в отдельных этюдах, и в эскизах к картине.

Корин был строг к своему творчеству. Много копировал старых мастеров, работы Нестерова, А. Иванова, на протяжении трех лет, уже после окончания училища, посещал анатомический театр Московского университета, изучая «архитектуру человека». Он любил работать с натуры. Наезжая каждое лето в Палех, он каждый день до глубокой осени ходил на этюды. Уже в 20-е годы складывается его любимый жанр —

П. Корин. «Александр Невский» (1942—43 гг.)
Центральная часть триптиха.

пейзаж-панорама. Его тяга к «монументализации» проявилась очень рано. Корин создает идеально-отвлеченные образы южной природы, итальянской, кавказской. В русских пейзажах больше лиризма и задушевности, хотя и в них разум превышает чувство.

В первые послереволюционные годы Корин работает в «Окнах РОСТА», делает эскизы, пишет лозунги. По приглашению С. Малютина в 1919 г. он начал преподавать в Свободных художественных мастерских. В 1939 г. Корин получил очень солидный заказ на серию портретов мастеров советской культуры. Так появились портреты известнейших актеров — Л. Леонидова, В. Качалова, пианиста К. Игумнова, художника М. Нестерова, писателей М. Горького и А. Н. Толстого. На протяжении многих лет Корин пользовался поддержкой Горького. По его ходатайству ему удалось в 1931 и 1935 гг. посетить Европу — Италию, Францию, Англию, Германию. Благодаря дружбе с семьей писателя появился единственный в творчестве художника женский портрет — Н. А. Пешковой, жены сына Горького.

При всей внешней благополучности Корина вряд ли жизнь его была безоблачной. В 30-е годы его сильно критиковали за «Русь». С 1925 по 1937 гг. он написал 37 этюдов, эскиз композиции к картине, интерьеры Успенского собора. Некоторые из них могут рассматриваться как совершенно самостоятельные произведения. Жесткая, как бы «невозмутимая» пластика выявляет предельное напряжение душевных сил персонажей, страстность натуры. Но все-таки искусство Корина больше обращено к уму, чем к сердцу; его легче понять, чем почувствовать. После критики художник несколько лет боялся браться за вещь, осужденную в официальной прессе. В 40-е годы встали уже другие проблемы: триптих «Александр Невский» в буквальном смысле почти воевал под Новгородом: фронтные художники, скопировав с репродукции его центральную часть практически в натуральную величину, водрузили копию при въезде в только что освобожденный город, через который днем и ночью шли наступавшие войска. В исторических картинах художник стремился в предельно обобщенных, иде-

ализированных образах передать характер, дух эпохи, но при этом связать прошлое с настоящим. Поэтому его не занимало выписывание деталей, хотя он подолгу рассматривал костюмы, оружие и доспехи в Историческом музее и Оружейной палате.

С исторической точки зрения интересна серия портретов советских маршалов (Г. Жукова, П. Рыбалко, Ф. Толбухина, А. Говорова), исполненная Коринным в конце 40-х годов. В них нет психологической глубины и человеческих черт, они официальные и парадны, создают не конкретную личность, а образ высшего советского военачальника.

В это же время по предложению архитектора А. В. Щусева Корин начинает работать над оформлением станций московского метро. Для мозаичных плафонов на станции «Комсомольская-кольцевая» он выбирает исторические сюжеты, созвучные победному пафосу послевоенных лет. Художник работал с большим энтузиазмом, но допустил значительные ошибки. Не имея практического опыта художника-монументалиста (за исключением росписей Марфо-Мариинской обители в 1911 г., где он работал не самостоятельно, а вместе с Нестеровым), он не смог правильно рассчитать оптические тонкости восприятия. Пропорции оказались искажены, детали на большом расстоянии не видны, а композиции слишком статичны и однообразны. В духе сталинского неоклассицизма решено декоративное оформление актового зала высотного здания Московского университета, где в изобилии присутствуют лавровые и дубовые венки, яркие звезды, торжественные аллегории.

В 50-е годы возвращаться к «Руси уходящей» было как-то совсем не ко времени. Художнику казалось, что он опоздал. Еще в 1959 г. он делает большой эскиз к картине, но к холсту, подготовленному и стоящему в мастерской уже несколько лет, так и не притронулся, работая преимущественно над портретами известных людей (М. Сарьяна, Р. Симонова, 1956; С. Коненкова, 1947; Кукрыниксов, 1958). Строгость и точность рисунка, прямолинейность, монументальная цельность, характерные для религиозной и исторической живописи, — этими чертами можно охарактеризовать и портреты Корина. Изображая свои модели в момент наивысшего душевного напряжения, он стремился показать глубину их внутренней жизни, силу чувств — и иногда впадал в преувеличения, так что некоторые портреты получили даже гротесковые черты.

Еще в 1926 г. Павел Дмитриевич Корин попробовал себя в реставрации. Через несколько лет, в 1932 г., он возглавил реставрационную мастерскую Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Спасением многих живописных памятников мы обязаны ему. Десять лет работал Корин с вывезенной в Москву коллекцией Дрезденской галереи, осуществив блестящую реставрацию «Динария кесаря» Тициана и «Вирсавии» Рубенса. Он реставрировал и древнерусские иконы в музеях Кремля.

Казалось, Корин идеально «вписался» в советскую систему. Но при этом он никак не исчерпывается ею. Иконная стилистика его образов, не в «Руси» даже, а и в исторических картинах 40-х годов, образ православной церкви, лики Спаса Нерукотворного — все это существовало для художника в другом, параллельном мире.